

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
И ОБРАЗЫ ВЛАСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ**

ВОСХВАЛЕНИЕ, КРИТИКА, ОТТОРЖЕНИЕ

*V конференция
Междисциплинарного центральноевропейского
семинара*

Тезисы докладов

**2–3 ноября
2021 г.**

МОСКВА
2021

УДК 321.6/8
ББК 67.400.6(44)
Г72

Редакторы-составители:
О.В. Хаванова, Д.Ю. Ващенко

Г72 **Государственная политика и образы власти в Центральной Европе и сопредельных регионах: восхваление, критика, отторжение.** Тезисы конференции. 2–3 ноября 2021 г. / Ред.-сост. О.В. Хаванова, Д.Ю. Ващенко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2021. — 54 с.

ISBN 978-5-7576-0456-5

DOI 10.31168/0456-5

УДК 321.6/8
ББК 67.400.6(44)

ISBN 978-5-7576-0456-5
DOI 10.31168/0456-5

© Коллектив авторов, текст, 2021
© Институт славяноведения РАН, 2021

ОБРАЗ ВЛАСТИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ В ТРУДАХ ЮЗЕФА ШУЙСКОГО

Творческое наследие видного польского историка Юзефа Шуйского (1835–1883), одновременно известного как публицист и поэт, велико и удивительно разнообразно. Никогда не остававшийся в стороне от бурлящей польской общественно-политической жизни, Ю. Шуйский, прежде чем стать одним из создателей консервативной партии станьчиков, сделал себе имя как автор четырехтомной «Истории Польши» (1862–1866), вскоре положив начало Краковской исторической школе. Для Ю. Шуйского, как для многих польских историков эпохи разделенной Польши, одной из сквозных тем была тема власти: образу власти он уделял подчеркнутое внимание в своих исторических трудах, публицистических и поэтических сочинениях. Будучи представителем Краковской исторической школы, он, как и его единомышленники (например, получивший широкую популярность Михал Бобжиньский), в отличие от своих коллег-оппонентов из Варшавской исторической школы, предпочитал подвергать строгой критике деятельность властных структур бывшей Речи Посполитой, особенно на последнем этапе ее независимого существования. Опираясь на хорошо известный ему как историку — и особым образом им трактуемый — горький опыт шляхетской республики, не сумевшей (не успевшей) выработать модели государственной власти, которая была бы сообразна требованиям времени и обстоятельств, он, совместно с другими станьчиками, искал и предлагал новые формы коммуникации общества и власти в условиях многонациональной Австро-Венгрии. Если в прошлом Польши он нередко высвечивал промахи и недоработки властных структур Польско-Литовской республики, то в настоящем избегал прямых оценок власти Габсбургов, предпочитая взирать на венскую администрацию сугубо практически, с точки зрения возможности использовать реальную государственно-политическую ситуацию в империи в национальных интересах польского народа. ■

Бут Юлия Евгеньевна

(Уральский федеральный университет, Екатеринбург)

DOI: 10.31168/0456-5.02

**ФРАНЦ ИОСИФ I в ГЛАЗАХ ГАБСБУРГСКИХ ШКОЛЬНИКОВ:
МУДРЫЙ ПРАВИТЕЛЬ И ИДЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК**

Воспитание верноподданства в школьниках как будущих граждан являлось одной из первоочередных задач габсбургского правительства композитарной Австро-Венгерской монархии. Широко используемым средством при решении этой задачи являлось пропагандирование династического мифа с неизменным акцентом на определенным способом сконструированный образ правящего монарха. В докладе анализируется образ императора Франца Иосифа I, представленный на страницах учебников по истории, одобренных венским Министерством культуры и просвещения для использования в гимназиях, городских и народных школах в 1860–1910-х годов, а также в художественных текстах, официально одобренных этим же министерством и рекомендованных к прочтению для школьной молодежи. Очевидной целью авторов учебников и художественных текстов было формирование у школьников таких чувств, как гордость своим императором, преклонение перед ним и благодарность за его мудрую политику и блестящие достижения в деле развития ремесел, торговли, городского строительства, образования, наук и искусств. К ним прибавлялось восхищение личными качествами императора (отвагой, трудолюбием, добротой, милосердием и проч.), который представал перед мысленным взором школьников как практически идеальный человек, служивший им примером для подражания. В то же время анекдоты из личной жизни императора, особенно из его детства, делали его персону не столь отдаленной и недоступной, вырабатывали к нему симпатию, сочувствие и любовь со стороны детей, формировали восприятие императора как «родного» человека. Образ мудрого и великодушного правителя, с отеческой заботой радеющего за благополучие своих народов, безусловно, способствовал легитимации

правления как Франца Иосифа I, так и дома Габсбургов в целом, что отчасти объясняет устойчивость такого феномена как лояльность габсбургских подданных своему императору (*Kaisertreue*). ■

**ИМПЕРСКАЯ ВЕНА В ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКЕ НАЧАЛА XX в.
ХОРВАТОВ ЗАПАДНОЙ ВЕНГРИИ**

Материалом для исследования послужили письма, созданные главным образом в период 1909–1917 гг. жителями анклавного хорватского села Чуново, расположенного между городами Братислава (на момент написания Пожонь / Прессбург), Шопрон и Вена, и до 1946 года входившего в состав Австро-Венгрии, затем Венгрии. Авторами писем являются хорват Яндре Стефанчич и его ближайшие родственники и друзья. В докладе анализируется специфика употребления в письмах различных топонимов, основной акцент делается на то, как Я. Стефанчич и его окружение описывают имперскую Вену. При этом выделяется круг окрестных сел, далее ближайшие крупные города, чаще всего Пожонь, и, наконец, «дальняя перспектива», Босния и Россия, о которых герои писем имеют крайне приблизительное представление. Анализируется: число упоминаний Вены и «венцев» в корпусе писем; атрибуция по персонажам (кто упоминает), и наконец, общая характеристика, которую дают столице авторы писем. Показано, что Вена фигурирует в письмах двояко. С одной стороны, это место, куда регулярно отправляются на заработки родственники и друзья главного героя: частотным является описание условий размещения, приводятся конкретные адреса, говорится о том, что из Вены получено письмо, поэтому можно не волноваться, выражается желание поскорее вернуться домой. «Венцами», то есть жителями Вены, при этом называются не австрийцы, но хорваты, которые работают в Вене. С другой стороны, Вена представляется как место редких развлечений, походов в ресторан или дорогое кафе. Парадоксальным образом Вена в качестве средоточия власти даже в письмах периода Первой мировой войны не играет сколь-нибудь значительной роли, в этом смысле она входит скорее в «дальний круг» пространственных воззрений авторов. ■

Володина Анастасия Всеволодовна

(Московский государственный институт международных отношений
МИД России, Москва)

DOI: 10.31168/0456-5.04

ОБРАЗ ВЛАСТИ В ТЕАТРЕ ЭСТОНИИ 2010-х

В Эстонии театр признается одним из самых влиятельных видов искусств. В условиях дорогого кинопроизводства, которому сложно соперничать с зарубежной продукцией, именно театр берет на себя функцию отражения общественных настроений по отношению к разным аспектам жизни в стране — политике, в том числе. Так, закрытие театра №99 стало событием не только для театральной, но и для общественной жизни Эстонии. Театр №99 известен скандальными проектами, в том числе созданием фиктивного политического движения «Единая Эстония» в рамках продвижения одноименной постановки, спектаклем «Таллин — наш город» в виде экскурсии по столице с рассказом о коррупционных схемах мэрии с недвижимостью Старого города, а также документальной постановкой «Собрание руководства Партии реформ» по мотивам расследования нарушений членами правящей партии. Отдельный интерес вызывают постановки, сделанные на заказ к празднованию столетия Эстонской Республики, в числе которых постановка российского режиссера Ю. Квятковского «Как эстонские хиппи разрушили Советский Союз» по пьесе М. Дурненкова и «Будет/Не будет: Эстония через 100 лет» М.Л. Лилль и П. Пийка. Если первая постановка затрагивает отношения молодежи и власти в прошлом, то вторая, созданная на материале опросов младшего поколения, предлагает варианты развития страны в будущем, где находится место и ультраправой Эстонии, откуда изгоняют русских. ■

Герчикова Ирина Александровна

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0456-5.05

ГОСУДАРСТВО И ВЛАСТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Три этапа отношения к власти и эволюция восприятия государства в литературе Чехословакии — от восхваления и воспевания завоеваний социализма в 1950-е годы (В. Ржезач, Й. Кайнар, Б. Ржига) к критике догматизма и представления о «социализме с человеческим лицом» в 1960-е годы (Я.Отченашек, И. Марек, Й. Несвадба), ситуация в эпоху «нормализации», двадцатилетие до «бархатной революции», сосуществование прорежимной, эмигрантской литературы и самиздата (Б. Грабал, К. Пецка, Э. Гостовский, Й. Шкворецкий, М. Кундера и другие авторы).

Творчество Ладислава Мнячко (1919–1994), чехословацкого Солженицына, и его роман «Каков вкус власти» (1968) — политический памфлет и психологический анализ власти и механизма ее разложения на примере послевоенного прошлого Чехословакии, актуальный и сегодня. ■

БОЛГАРСКИЙ ТРАНЗИТ 1894 ГОДА В ОСВЕЩЕНИИ А.В. АМФИТЕАТРОВА

Летом 1894 г. болгарский князь Фердинанд внезапно удовлетворил очередное прошение об отставке премьера С. Стамболова. В стране начался переход от так называемого стамболовского режима к режиму личной власти Фердинанда. Возникла возможность восстановления русско-болгарских дипломатических отношений и признания князя Фердинанда Россией, а затем — и Европой. Сложившейся ситуацией воспользовалась газета «Новое время» и с согласия болгарского монарха отправила в страну своего корреспондента — А.В. Амфитеатрова. Спустя почти десятилетие он был первым корреспондентом центральной русской газеты, получившим возможность посетить страну. Власти оказывали ему всевозможное внимание и охотно давали интервью. Амфитеатров имел продолжительные беседы с бывшим премьером митрополитом Климентом, министрами Р. Петровым, В. Радославовым, премьером К. Стоиловым, князем Фердинандом и С. Стамболовым. Интервью с последними двумя вызвали большой резонанс в России и Европе. Бурная реакция на корреспонденцию Амфитеатрова обуславливается тем, какую картину он представлял, ведя, по собственному признанию, «проповедь мира и согласия». В общих чертах она сводится к следующему. Между Стамболовым и болгарями нельзя ставить знак равенства, нельзя отождествлять и их взгляды. Вся страна ненавидела бывшего всеильного премьера, и ухудшение русско-болгарских отношений — всецело его вина. Нынешнее же руководство страны нацелено на улучшение отношений с Россией, но не готово идти на уступки в вопросах государственного суверенитета. В российской прессе активизировался дискурс про «неблагодарных братушек», причем он находил свое воплощение и в редакционных статьях «Нового времени». Вдобавок, видимо, сторонники болгарской оппозиции стали публиковать

статьи, преследуя собственные внутривластные цели. Доклад основывается на статьях Амфитеатрова 1894 г., его позднейших воспоминаниях о поездке и неопубликованной переписке с главным редактором «Нового времени», в нем делается попытка ответить на вопросы: сколь автор был искренен в своей риторике, был он субъектом или объектом-ретранслятором болгарской пропаганды; а также продемонстрировать способы, какими болгарское руководство планировало «реабилитироваться» в глазах русского общества для нормализации отношений и последующего официального признания князя. ■

Дронов Александр Михайлович

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0456-5.07

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЕНГЕРСКОЙ ВЛАСТИ ДЛЯ ХОРВАТИИ: «ЗАВОЕВАНИЕ» ИЛИ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ УНИЯ»? Л. САЛАИ VS Э. КВАТЕРНИК (1861)

1860–1861 гг. — время восстановления работы органов сословного представительства в Австрийской империи, активизации политической жизни, знаменовавшей окончание периода неоабсолютистского правления. В Венгрии был отменен чрезвычайный режим, введенный после поражения венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг. Неизбежно вставал вопрос венгеро-хорватских взаимоотношений в новых условиях. Венгерскую и хорватскую позиции выразили в памфлетах депутаты венгерского и хорватского парламентов, соответственно, Ласло Салаи и Эуген Кватерник. В докладе рассматривается их полемика начала 1860-х годов в контексте легитимности взаимных претензий политических элит. В центре заочной дискуссии оказалась проблема легитимности венгерской власти для Хорватии. Каждая из сторон имела собственное представление об исторической легитимности. Л. Салаи апеллировал к «праву меча», по которому венгры владели Хорватией как завоеватели. Э. Кватерник отрицал факт завоевания и указывал на добровольное избрание и приглашение хорватами венгерского короля, результатом чего стала равноправная «политическая уния» двух королевств. Л. Салаи выступал в духе венгерских либералов, таких как Ф. Деак и Й. Этвеш, отстаивая неделимость венгерской политической нации при условии равноправия населяющих Венгерское королевство граждан всех национальностей, а потому пытался своим памфлетом “отрезать” депутатов хорватского сабора, принявших в 1861 г. циркуляр о признании фактического разрыва хорватско-венгерских государственно-правовых отношений в 1848 г. В свою очередь, Э. Кватерник же являлся наиболее последовательным сторонником точки зрения, что между

хорватами и венграми на протяжении 800 лет совместного государства не прекращался конфликт. Правовая легитимность для двух полемистов оказалась тесно связана с темой исторической справедливости. Для Л. Салаи, либерального политика, юриста и историка, в качестве правового аргумента подходила норма феодального права, где на первом месте оказывалась легитимность сюзерена и неприкосновенность сословных привилегий. Для Э. Кватерника, напротив, куда более убедительным казался взгляд, получивший распространение в эпоху формирования наций и национальных идеологий, когда приоритетным является право народа в целом в отношении другого народа. ■

Едемский Андрей Борисович

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0456-5.08

«Без свободной, демократической России Человечество не сможет противостоять Азиатскому коммунистическому тоталитаризму»: Михаил Михайлов и Милован Джилас О проблемах общественного развития второй половины 1960-х годов

В докладе излагаются результаты исследования о деятельности и взглядах М. Михайлова и М. Джиласа в указанный период. Джилас был амнистирован в конце декабря 1966 г., после отбытия длительного (с ноября 1956 г.) тюремного заключения. К моменту амнистии он приобрел всемирную известность не только как коммунистический диссидент номер один, но и как критик коммунистического общественного устройства (книга «Новый класс» 1957 г.). Указанная книга, а также его «Беседы со Сталиным» (1962) публиковались на ряде мировых языков. С начала 1960-х годов гонорары от изданных за рубежом произведений позволяли Джиласу иметь стабильное финансовое положение и независимость для семьи. Всплеск интереса к личности Джиласа был отмечен весной 1966 г. после публикации Михайловым (диссидентом номер два в масштабах Югославии) памфлета «Милован Джилас и югославская действительность», в котором автор, возвеличивая Джиласа, позиционировал себя как лидера, идущего ему на смену поколения 1930–1940-х годов. События июля 1966 г., связанные с устранением из политической элиты СФРЮ влиятельного деятеля, выступавшего за управление «сильной руки» А. Ранковича и его сторонников, стали предвестниками очередного прилива относительной (в условиях монополии СКЮ) политической либерализации в стране. Вместе с тем, стало очевидно, что на югославскую сцену выходят представители новой волны, движения оппозиционного режиму во главе с М.Н. Михайловым, выступившим с рядом публицистических памфлетов и обращений к власти («Чего

мы хотим и почему молчим?» и др.). Действия Михайлова летом 1966 г. оказались попыткой (в откровенно провокационной манере) создания независимого оппозиционного печатного общественного органа (журнала) — начала создания в стране второй политической силы — партии «демократического социализма» как реализации идей Джиласа. Образовавшийся зазор в действиях Тито и его окружения против сторонников Ранковича (гонения прекращены в конце года) и жестким подавлением сподвижников Михайлова, сделал возможным досрочное освобождение Джиласа. В докладе анализируется возобновление контактов Джиласа с представителями зарубежных СМИ, аккредитованными в Белграде и Вене, его отказ хранить молчание и не давать публичных оценок ситуации в стране, как ответная реакция на запрещение властей ему публиковаться в Югославии. Значительное место в докладе отведено анализу содержания личного послания Джиласа авторитарному лидеру Югославии Й. Броз Тито с оценкой им положения в стране и необходимости проведения дальнейших реформ, изменения их направленности. Наряду с этим приводятся суждения западных дипломатов о личности и взглядах самого Джиласа, сделанные ими с целью оценки его потенциала превращения в альтернативного политактора, вероятного лидера возможной оппозиции правящему в ней режиму. Доклад станет обобщением исследования, проведенного на материалах в российских, постъюгославских и британских архивов и рассекреченных документов ЦРУ (США), а также периодической печати. ■

ОТНОШЕНИЕ СЛОВЕНЦЕВ К ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА Э. ТААФФЕ (1879–1893)

В 1879 г. на смену либеральным правительствам, находившимся у власти в Австро-Венгерской монархии в 1870-е годы, пришло правительство Э. Тааффе. Он опирался на «железное кольцо» немецких консерваторов и славянских политиков и стремился сгладить социальные и национальные противоречия в Цислейтании путем принятия либеральных законов. Большинство словенских деятелей, недовольных централизаторской политикой предыдущих правительств немецких либералов, правительство Тааффе поддержали и отказались от выдвижения радикальных национальных требований. Национальное положение словенцев во время правления Тааффе существенно улучшилось: они получили ряд правительственных концессий, словенский язык всё больше укреплял свои позиции в школах и учреждениях, повысился общий культурный уровень словенцев. Из словенских областей наибольшие преимущества получила Крайна — она была признана словенской областью. Эти годы стали «временем согласия» для словенцев, когда либералы и консерваторы выступали единым фронтом в рейхсрате и провинциальных собраниях. Имела место и критика ряда аспектов политики Тааффе. В либеральном движении в начале 1880-х годов появилось течение радикалов, которые, в отличие от более умеренных «эластиков», считали, что следует отказаться от безусловной поддержки правительства и «собирая крох» и вновь выдвинуть требование объединения словенских земель. В конце 1880-х годов сильные позиции стало завоевывать католическое движение, противоречия между различными национальными течениями вновь обострились и привели к идейному расколу и образованию в начале 1890-х годов словенских партий. Представляется актуальным детально проанализировать специфику отношения различных кругов

словенской общественности к политике Э. Тааффе и оценить, как повлияли реформы его правительства на социально-экономическое и национальное положение словенцев и какую роль они сыграли в формировании их национального самосознания. ■

Котов Виктор Викторович

(независимый исследователь, Москва)

DOI: 10.31168/0456-5.10

ОБРАЗ ДИНАСТИИ ГАБСБУРГОВ В МЫШЛЕНИИ ЧЕШСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ В 1860-Е — НАЧАЛЕ 1870-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ СОКОЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ)

Изучение данной проблемы связано с рассмотрением таких вопросов, как соотношение ценностей монархизма и политического представительства, связь образа Габсбургов с различными интерпретациями австрийской идеи (надэтническая, многонациональная и германская), балансирование «австрийскости» между положением вторичной идентичности и антиидентичности в мышлении чешских националистов; различные пласты чешского монархизма (традиционный патерналистический, конституционный и националистический); отличие образа Габсбургов в мышлении немецких националистов из т.н. чешских земель (включая гимнастов-турнеров — конкурентов «соколов»); связь церемонии коронации и идеи чешского исторического государственного права; предпочтение королевского, а не императорского титула авторами чешских националистических текстов; образы Фердинанда I и Иосифа II; десакрализация монарха, воспринимавшегося как не в полной мере чешского, вследствие сакрализации чешской нации; скрытые формы высказывания критики монарха в условиях опасности судебного преследования; участие или демонстративное игнорирование «соколами» таких мероприятий, как возвращение в Прагу коронационных регалий в 1867 г. и посещение Богемии и Моравии Францем Иосифом I в 1866 и 1868 гг., а также кронпринцем Рудольфом в 1871 г. Так как исследуемый период относится к «веку газет», чешская и немецкая пресса была выбрана в качестве основного исторического источника, содержащего свидетельства как о редких монарших визитах, так и повседневном присутствии образа монарха в жизни людей, упоминавших его в политической

полемике, банкетных тостах и судебных показаниях, вешавших его портреты, живших на улицах, названных в честь членов его семьи, использовавших деньги с его изображением и т.д. Ряд положений доклада исходит из концепции «политической религии» философа Эрика Фёгелина, различных теорий конструирования современных европейских наций и подходов культурной истории. ■

Кулакова Ирина Павловна

(Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва)

DOI: 10.31168/0456-5.11

ФОРМЫ ПРОДВИЖЕНИЯ ПУБЛИЧНОГО ОБРАЗА ВЛАСТИ ЕКАТЕРИНИНСКОГО ВРЕМЕНИ В ВОСПРИЯТИИ СРЕДНИХ СЛОЕВ СТОЛИЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: СЛУХИ, ТОЛКИ И ЛИЧНОЕ УЧАСТИЕ (ПО ДНЕВНИКОВЫМ МАТЕРИАЛАМ)

В основе доклада лежат материалы неопубликованного дневника (за 1775–1776 гг.) мелкого чиновника А.И. Ильина, сына подьячего и провинциала по происхождению, сенатского канцеляриста. В ежедневных записях оказались зафиксированы как его собственные впечатления, так и реакция рядового городского населения на различные проявления властной политики. Пребывая на службе сначала в Москве, затем в Петербурге, автор старательно фиксирует слухи и факты, относящиеся непосредственно к императрице Екатерине II и другим представителям царствующего дома, их передвижению, участию в различных торжествах (по случаю окончания Турецкой войны). Интересуют и проявления дисциплинирования населения (например, публичная казнь Пугачева и пр.). Жизненная стратегия молодого чиновника, желающего продвигнуться по служебной лестнице и выслужить дворянство, — стремление к участию в жизни элиты. Значимым сюжетом повествования в дневнике стало описание свадебных торжеств по случаю второго бракосочетания цесаревича Павла Петровича в Санкт-Петербурге (события, происходившие в Зимнем дворце и в городе). Замысел устроителей этих торжеств явно нацелен на создание определенного впечатления у достаточно широкого круга подданных. На важнейших процедурах могла присутствовать лишь высшая знать, но были дни, когда демонстрировалась определенная «открытость» дворцовых пространств (что было редкостью). Автор как очевидец подчеркивает восторг публики не только по поводу

лицезрения роскоши убранства, но и от прямого соучастия в великом событии («коллективная радость»). Какую-то часть событий Ильин лицезрел лично, о каких-то собирал сведения, в т.ч. из газет. В целом же стоит отметить, что столь подробная информация применительно к средним слоям — достаточно большая редкость для российских эготекстов второй половины XVIII в. ■

«Люди, которые недавно стали советскими гражданами»: жители Западной Украины о действиях советской власти в 1944–1949 гг.

Присоединение Западной Украины к СССР в советском политическом дискурсе считалось событием большой исторической важности, которое позволило воссоединить «великий украинский народ в едином Украинском государстве» — Украинской Советской Социалистической Республике. Украинцы, «родные братья», представлялись общностью, искренне радующей тому, что наконец «засияло солнце правды и свободы над исконными украинскими землями» (Обращение Правительства Украинской Республики к населению западных областей (1944 г.) // РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 58. Л. 112). Правительство УССР разъясняло, что, другие народы, проживавшие на территории Западной Украины, также были освобождены от социального и национального угнетения. Считали ли украинцы и представители национальных меньшинств себя «освобожденными», и как они реагировали на различные действия советской власти? В докладе на основании отчетов областных комитетов Коммунистической партии (большевиков) Украины, информации о настроениях населения в связи с различными событиями и ряда других документов из Российского государственного архива социально-политической истории (Ф. 17. Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991). Оп. 88. Сектор информации организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) 1938–1955 гг.) предпринимается попытка ответить на поставленные вопросы. Изучение представлений населения Западной Украины о советской власти позволит описать механизм взаимодействия между гражданами и государством, который обычно происходил в ритуализированном политическом контексте, а также сделать более понятным своеобразие региона, то, почему сегодня в этническом и культурном плане он является одной из наиболее украинских территорий страны. ■

**«И наш тихий Алексей Михайлович
тоже был мудрый царь»:
особенности самодержавного образа
второго Романова и поиски традиций
истинной русскости в
последней трети XIX — начале XX в.**

В докладе рассматриваются черты образа царя Алексея Михайловича, сложившиеся в российском общественном сознании на рубеже XIX–XX вв. под влиянием трудов крупнейших историков, учебной литературы, а также исторической романистики, драматургии и живописи. В последнее десятилетие в российской науке отчетливо заметен интерес к исследованиям дореволюционных историографических направлений, попытка объяснить изменения в интерпретации различных эпох и событий в контексте не только идеологии, но и социально-культурных общественных настроений и типичных массовых клише. Национально-русское в последней трети XIX в., как показал Р. Уортман, отождествлялось с формами русской культуры эпохи правления Алексея Михайловича, поэтому интерпретация этого исторического времени (или того, что считали восходящим к периоду его правления) на рубеже столетий сегодня является важным предметом изучения. Идеализация самодержца, получившего наименование «Тишайшего», имела важное значение вследствие переосмысления монархического наследия и идеи государственной преемственности в период правления двух последних российских императоров. «Игра» в XVII век как в «самый русский» и при дворе, и в стереотипах массовой культуры обрела своеобразные проявления: исторические балы, мода на «русский стиль» в архитектуре и прикладном искусстве, интерес к отечественной этнографии и т. п. Стремление Николая II создать новый имидж православного самодержца также во многом опиралось на мифологизированное представление об одном из наиболее «популярных» монархов ро-

мановской династии. В центре внимания — вопрос о том, как конструируемый последними императорами образ русской власти и русского правителя соотносился с трактовками национально-русских традиций и со способами репрезентации русскости в массовой культуре. ■

ОБРАЗЫ РЕВОЛЮЦИИ И ВЛАСТИ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В УЧЕНИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ В КОРОЛЕВСТВЕ СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ

В докладе рассматриваются некоторые особенности восприятия и представления событий в России (образы революции и власти) детьми, подростками и молодыми людьми, вынужденными вслед за этими событиями переселиться из разных мест бывшей Российской империи в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Основой для исследования послужили опубликованные в книге «Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники» (1997) сочинения учеников Реальных училищ всероссийского союза городов в Загребе и Земуне, а также неопубликованные еще сочинения учащихся из Загреба и Нови-Сада, сохраняемые в ГАРФ. «Мои воспоминания с 1917 года до поступления в гимназию» — общая тема сочинений, написанных учениками в возрасте от 8 до 20 с небольшим лет в 1924 г. Эти сочинения имеют большую историко-культурную ценность. Интересны они, в частности, как источник для изучения проблем и вопросов, относящихся к истории детства; а также истории событий в России в 1917–1922 гг., русского исхода и русского зарубежья. Их авторы пережили эти события, оказавшись их свидетелями или непосредственными участниками, и/или испытали на себе их последствия. Для сравнения привлечены (доступные нам в настоящее время) не менее ценные сочинения и «записи» московских учеников о революционных событиях, свидетелями которых они были, созданные в 1917 г. А именно: сочинения учеников V класса Московской консерватории на тему «Первые дни свободы в Москве» о Февральской революции в Москве («Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. (1994)), фрагменты опубликованных записей,

дневников, описаний, заметок учащихся в возрасте от 8 до 12 лет ряда московских учебных заведений о Февральской и Октябрьской революциях (Вестник просвещения. 1927. № 3, 12). ■

**ПРОПАГАНДА ИДЕИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ОБЩНОСТИ
В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ.
Позиция А.М. ПАНКРАТОВОЙ и РУКОВОДСТВА КПСС**

Объединение в конце 1940-х — начале 1950-х годов западно-европейских государств с различными политическими, экономическими, национальными, культурными традициями потребовало необходимости пропаганды идеи европейской общности, в том числе и в школьных учебниках истории. Под эгидой Совета Европы в августе 1953 г. в Кальве и в августе 1954 г. в Осло прошли конференции историков, посвященные этим вопросам. Материалы этих научных сессий главный редактор журнала «Вопросы истории» академик Анна Михайловна Панкратова направила в ЦК КПСС, полагая, что эта важная информация должна была быть доведена до сведения директоров институтов истории и редакторов «исторических журналов европейских стран народной демократии и Германской Демократической Республики». В письме от 24 февраля 1955 г. секретарю ЦК КПСС М.А. Сулову она поставила вопрос «о необходимости разоблачения» проводимой в ряде стран Западной Европы кампании «по пересмотру школьных учебников истории», инициатором которой был «так называемый „Европейский совет“», а ее целью — пропаганда «„европейской идеи“ и „европейской общности“». Для этого она предлагала «созвать в Москве совещание представителей академий наук, университетов и учителей школ СССР, европейских стран народной демократии и прогрессивных историков капиталистических стран Европы», на котором следовало принять «обращение к историкам всех стран Европы», разоблачавшее «фальсификацию истории пропагандистами „европейской идеи“», подчеркивая при этом «патриотическую роль исторической науки». Кроме того, Панкратова считала необходимым «включить в повестку предстоящего X Всемирного конгресса историков доклад о национальном значении и патрио-

тических задачах исторической науки», а также «рассмотреть вопрос о возможности участия СССР в предстоящей III конференции историков, созываемой „Европейским советом” и о присоединении СССР к „Европейской культурной конвенции”» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 521. Л. 10–11, 155). Предложения академика Панкратовой не получили поддержку Отдела науки и культуры ЦК КПСС, однако есть основания предположить, они оказали определенное влияние на подписание в конце 1950-х годов двусторонних соглашений о научном и культурном сотрудничестве СССР со странами народной демократии и на создание в дальнейшем двусторонних исторических комиссий. ■

Мелентьев Федор Ильич

*(Государственный архив Российской Федерации /
Международная лаборатория региональной истории НИУ ВШЭ, Москва)*

DOI: 10.31168/0456-5.16

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ СТАРШИХ СЫНОВЕЙ АЛЕКСАНДРА II В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Общеизвестно, что к членам Российской императорской фамилии в дореволюционной России было принято относиться если не подобострастно, то в той или иной степени комплиментарно. Официозные и публицистические издания, проходившие светскую или духовную цензуру (а в случае упоминания членов царской семьи — подвергавшиеся цензуре Министерства императорского двора), неизбежно сообщали об августейших особах в высокопарном тоне. Таких сообщений настолько много, что исследователям трудно понять, насколько искренне они написаны. Казалось бы, имеющиеся в неподцензурной прессе, в источниках личного происхождения (а также в следственных делах об оскорблении членов царской семьи) свидетельства противоположного свойства заслуживают большего доверия, однако зачастую они очень тенденциозны. Как бы то ни было, эти свидетельства представляют интерес не только для «развенчивания» антимонархических мифов, но и для понимания эмоциональных режимов общественного восприятия августейших особ. По оценке С.И. Григорьева, одним из самых «популярных» наследников престола был старший сын Александра II цесаревич Николай Александрович (1843–1865). Найти отрицательные отзывы о нем довольно сложно, однако в архиве Третьего отделения сохранилось стихотворение, в котором сатирически высмеивалась смерть царского сына. Негативных откликов о великом князе Александре Александровиче, ставшем наследником престола после смерти старшего брата, гораздо больше. Пожалуй, наиболее суровый из них принадлежит князю П.А. Кропоткину, обвинившему будущего Александра III, что тот своей грубостью довел одного

из офицеров до самоубийства. В докладе, основанном на анализе архивных документов, будет не только оценена достоверность такого рода сообщений, но и объяснен контекст, в котором они появились. ■

**ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ВЕНЫ
В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ
НА СТРАНИЦАХ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ ГАЗЕТ (1882–1908)**

В докладе рассматривается, как в разных частях Австро-Венгрии оценивалась интеграционная политика Вены в Боснии и Герцеговине. Несмотря на то что есть отдельные исследования по восприятию оккупации и аннексии в землях Габсбургской монархии, до сих пор в историографии не существует комплексных работ по этой проблеме. Нижняя граница хронологических рамок — 1881–1882 гг., когда в провинциях параллельно с военной администрацией была введена гражданская. Именно с гражданским управлением связывают активную модернизацию османских территорий, оккупированных одной из европейских империй. Выбор верхней границы – 1908 год – обусловлен тем, Австро-Венгрия окончательно присоединила Боснию и Герцеговину и ввела управление совершенно другого типа: император-король даровал статут, согласно которому был создан представительный орган. Основным источником для исследования служит немецкоязычная печать, издававшаяся в разных провинциях дунайской монархии. Коллекция газет и журналов собрана Австрийской национальной библиотекой в базу ANNO. В ней представлены издания широкого политического спектра. В печати, как правило, публиковались материалы, в которых излагалось содержание дискуссий на заседаниях делегаций и парламентов Цислейтании и Транслейтании, в том числе, и о политике в Боснии и Герцеговине. В базе ANNO материалы выявлялись по комбинации ключевых слов, затем каждая статья или заметка анализировались качественным методом. В исследовании проверяется гипотеза о том, что политика Вены на оккупированных провинциях оценивалась австро-венгерской печатью исходя из их восприятия как вынужденного приобретения. ■

Покивайлова Татьяна Андреевна

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0456-5.18

МОСКВА И УСТАНОВЛЕНИЕ МОНОПОЛИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РУМЫНИИ НА ИНФОРМАЦИЮ НА РУБЕЖЕ 40–50-Х ГОДОВ XX В. (РОЛЬ СМИ В ВОСХВАЛЕНИИ ОБРАЗА ВЛАСТИ СОВЕТСКОГО ТИПА)

В докладе будет проанализирован процесс становления монополии Коммунистической партии Румынии (КПР) на средства массовой информации в период с августа 1944 по 1953 г., рассмотрена взаимосвязь возрастания роли СМИ с укреплением позиций КПР, а затем и переходом всей власти в стране в руки коммунистов. Будут выделены два этапа завоевания коммунистами средств массовой информации. Первый этап — с августа 1944 г., когда в условиях победы Красной Армии в Яско-Кишиневской битве и свержения режима И. Антонеску, власть в стране перешла в руки оппозиции и румынского короля Михая, и вплоть до декабря 1947 г., когда всей полнотой власти овладели коммунисты. Первый этап характеризовался острой борьбой разно-полярных политических сил за власть, а второй — внедрением принципов организации общества по сталинскому образцу. В начальный период средства массовой информации стали инструментом воздействия РКП на общественное сознание и поддержки её программы различными группами населения, прежде всего его трудовыми и обездоленными слоями, измученными войной, послевоенной разрухой, экономической и политической нестабильностью общества. Важную роль в укреплении позиций коммунистов сыграло военное присутствие на территории Румынии Красной Армии, поддержка их деятельности советской военной администрацией и непосредственно советским руководством. Советская администрация установила жесткий контроль за содержанием оппозиционных СМИ. С её помощью компартии удалось развернуть кампанию по дискредитации руковод-

ства оппозиционных СМИ и добиться их ликвидации. Начиная с 1948–1949 гг. в Румынии началась быстрая сталинизация страны, установление тотального контроля компартии над обществом, подавление противников коммунистического режима и массовые репрессии. Первостепенную роль в обосновании правомерности этих процессов «в условиях классовой борьбы» играли средства массовой информации, полностью подчиненные правящей партии, установившей жесткую над ними цензуру. Одновременно пропагандировалась сталинская модель социализма, идеализировался образ румынской коммунистической власти как власти трудового народа, опыт строительства социализма в СССР, создавался образ будущего общества в Румынии как общества равенства, братства и всеобщего благосостояния, особая роль в построении которого отводилась компартии и «братскому» сотрудничеству с Советским Союзом и другими социалистическими странами. ■

Полонский Дмитрий Георгиевич

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0456-5.19

Представления о власти СЕРБСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII в. и титулатурный статус Первой Юстинианы

В докладе предлагается рассказать, каким образом сербский политик Георгий (Джордже) Бранкович (1645–1711) оказался творцом исторического мифа о том, что каноническая территория архиепископии Первой Юстинианы (Justiniana Prima), учрежденной в 535 г. императором во славу своего имени, в XVII в. должна рассматриваться как законная «область народа славеносербского». Политическим следствием таких представлений стала идея, согласно которой на бывшую территорию римского Иллирика по праву исторического наследования надлежит распространить светскую власть сербских деспотов и канонические полномочия сербских православных иерархов. В распространении этих идей Бранкович заметно повлиял на духовного лидера многотысячной сербской диаспоры в венгерских владениях Австрийского дома патриарха Арсения III Черноевича (1633–1706). С этим влиянием следует связывать, во-первых, особенности эволюции титулатуры сербского патриарха, который с 1690-х годов стал называть себя архиепископом «Первой Юстинианы»; во-вторых, распространение в сербской рукописной традиции конца XVII–XVIII в. юридической компиляции, известной под названием Юстинианова закона. Однако титулатурные притязания патриарха Арсения III не нашли понимания при дворе императора Леопольда, не откликнулся на них и Петр I. Можно полагать, что имя византийского императора Юстиниана Великого, с установлениями которого связывались легендарные исторические права сербов на каноническую территорию Восточного Иллирика, служило в конце XVII и затем отчасти в XVIII в. своеобразным символом политической и конфессиональной самоидентификации. Что касается носившей имя императора сербско-византийской юри-

дической компиляции — Юстинианова закона, которая в XVIII в. не действовала на практике, — то, по-видимому, ее распространение в списках напоминало о «золотом веке» сербской государственности — державе Стефана Душана, при котором произошла кодификация норм национального права. ■

Приступа Наталья Николаевна

(Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, Минск)

DOI: 10.31168/0456-5.20

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПАРТИЙНОГО ЛИДЕРА: ОБРАЗ КЛЕМЕНТА ГОТВАЛЬДА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «RUDÉ PRÁVO»

Коммунистический переворот 1948 г. в Чехословакии положил начало формированию нового общества и государства, установлению монопольного положения Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ). Одним из механизмов, который способствовал укреплению ее власти, стала крайняя персонификация личности председателя КПЧ Клемент Готвальда, что проявилось в чрезмерном его возвеличивании, а также постепенном конструировании его культа личности. Немаловажную роль в этом процессе сыграли средства массовой информации и, в частности, главная партийная газета КПЧ *Rudé právo*. На ее страницах освещались как обыденные, так и экстраординарные события, которые позволяли не только вписать их в логику борьбы коммунистов за власть, но и продемонстрировать выдающиеся качества своего лидера. И одним из самых, казалось бы, безобидных поводов вновь напомнить широкому слою общественности тщательно отобранные факты из биографии и активной деятельности во благо народа и государства был день рождения К. Готвальда. Анализ газетных материалов позволяет не только констатировать их количественный рост, но и зафиксировать возрастание безудержного славословия в его адрес. Появление же новых характеристик и черт в образе партийного лидера также стало следствием новых процессов, набравших силу в Чехословакии в конце 1940-х — начале 1950-х годов. ■

Рагозин Герман Сергеевич

*(Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, Архангельск)*

DOI: 10.31168/0456-5.21

КОНСЕРВАТИВНОЕ ПРОЧТЕНИЕ АВСТРИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЧИНЕНИЯХ ФРИДРИХА ФОН ГЕНЦА И АДАМА МЮЛЛЕРА ФОН НИТТЕРДОРФА

Представления о монархии, государственной власти и их отношениях с обществом остаются злободневным вопросом для консервативных партий и движений. Тесно связанная с «сопротивлением революции», доктрина консерватизма воспринималась как реакция на события во Франции конца XVIII в. и ассоциацию нового порядка с иностранным вторжением. Это отразилось и в исследованиях по данной проблематике. Типология консерватизма, представленная П. Рахшмиром и концепция консерватизма как тесно связанного с «реакционным мышлением» у К. Робина, в большей степени обратили внимание на критику революции как практики преобразований и решения назревших политических и социальных вызовов конкретных стран. Проблематика национальной или наднациональной идентичностей в консервативных кругах первой половины XIX в. в исследованиях часто остается «в тени» критики революций, представлений о государстве и его отношениях с обществом, интеллектуальной истории и иных направлений. В то же время, ряд мыслителей и писателей, работавших в Австрии в этот период, представили свое видение «австрийского». Оно повлияло на восприятие правящей династии, самоидентификации и австрийских немцев, и негерманских общностей империи. Интеллектуалы-консерваторы первой половины XIX в. все еще находились под воздействием романтизма начала столетия, осмысления опыта революционных событий и завершения централизации владений Габсбургов как Австрийской империи. Фридрих фон Генц и Адам Мюллер фон Ниттердорф представили свое видение «австрийского», которое оказало влияние и на политическую культуру,

и на этническую политику в империи Габсбургов. Оба мыслителя встроили ее в консервативный политический контекст и тем самым значительно повлияли на курс канцлера Клеменса фон Меттерниха вплоть до их ухода из политики в конце 1820-х — начале 1830-х годов. Оно позиционировало себя как отрицающее «национальную» природу государства и общества, идеализировало отношения монарха и подданных, и занимало де-факто монопольное положение вплоть до середины 1830-х годов, когда со смертью императора Франца I австрийский консерватизм стал утрачивать возможности к ответу тем идеям, которые озвучивали национальные движения в монархии Габсбургов и Центральной Европе. ■

Родин Денис Валерьевич

(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва)

DOI: 10.31168/0456-5.22

ИДЕАЛИЗМ И ПРАГМАТИЗМ В «ЛОКАРНСКОЙ ПОЛИТИКЕ» Э. БЕНЕША (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1920-х годов)

Завершение Локарнской конференции 1925 г. было воспринято в Праге неоднозначно: хотя министр иностранных дел Эдвард Бенеш пытался представить заключение арбитражных соглашений с Германией и пролонгирование договора о взаимопомощи с Францией как успех чехословацкой дипломатии, представители общественности и многие депутаты Национального собрания опасались, что международные позиции их страны резко ухудшились. С целью рассеять подобные страхи среди граждан Чехословакии и создать дополнительные опоры безопасности республики Э. Бенеш с подачи министра иностранных дел Великобритании О. Чемберлена выступил инициатором ряда проектов, конечной целью которых являлось оформление в Центральной Европе системы перекрестных арбитражных соглашений и гарантийных пактов по образцу тех, что были заключены в Локарно. В «Среднеевропейском Локарно», активно продвигаемом Э. Бенешем во второй половине 1920-х годов, соединялись идеалистические и прагматические черты. Министр преследовал вполне конкретную цель обеспечения безопасности своей страны путем дополнения Версальских постановлений соглашениями с Австрией и Венгрией, а также надеялся на повышение значимости и достижение большей самостоятельности Чехословакии на международной арене. В то же время для его проектов была характерна идеалистическая риторика: так, в 1925 г. Э. Бенеш выражал надежды на «общеевропейское Локарно» с участием СССР, а в 1928 г. в беседах с австрийским канцлером И. Зайпелем обрисовал систему пактов для Центральной Европы, гарантом которой должна была стать Лига Наций в целом.

Подобные внутренние противоречия проекта, нашедшие отражение как в дипломатических документах, так и в чехословацкой публицистике того времени, демонстрировали специфику взглядов Э. Бенеша на проблему международной безопасности в «эру пацифизма». В соединении с объективными препятствиями на пути реализации «Среднеевропейского Локарно» они в немалой степени способствовали провалу «локарнской политики» Э. Бенеша. ■

Саприкина Ольга Вячеславовна

*(Российский государственный гуманитарный университет /
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ)*

DOI: 10.31168/0456-5.23

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРАВЛЕНИИ ФРАНЦА ИОСИФА I И РОЖДЕНИИ «ГАБСБУРГСКОГО МИФА»

«Самостоятельный чиновник» и «глава дома Габсбургов» — так записал себя в анкете при переписи населения правитель одного из самых больших европейских государств XIX в. и первое лицо старейшей европейской династии того времени — Франц Иосиф I Австрийский. Он пробыл у власти 68 лет. Неудивительно, что время, ставшее завершающим для существования многовековой монархии Габсбургов, ассоциируется с правлением этого предпоследнего для нее правителя — одного из главных героев «Габсбургского мифа». Интерес к исследованию габсбургского наследия в Отечественной историографии активизировался на новом витке ее развития. В 1995–1997 гг., накануне и во время 130-летнего юбилея образования Австро-Венгрии, стали выходить исследования, посвященные этому государству. Наиболее дискуссионным был вопрос о состоятельности единственной европейской многонациональной империи как единой державы и о тех скрепах, которые обеспечивали ее единство, а после распада — «Габсбургский миф», существующий до настоящего времени. Задачей доклада является исследование образа Франца Иосифа, созданного в современной Отечественной исторической науке в работах таких ученых, как Т.М. Исламов, А.Г. Айрапетов, И.В. Крючков, Н.Д. Крючкова, О.В. Павленко, А. Шарый, Я.В. Шимов, В. Кружков, Ю.Е. Бут и др. В результате сопоставительного анализа удалось определить, что в современной отечественной историографии отображены все образы Франца Иосифа, которые сформировались в ходе изучения истории его правления, вобравшего в себя практически все время существования Австро-Венгрии.

▶ Полный надежд на укрепление государственных устоев юноша, обладающий сформировавшейся системой консервативных убеждений.

▶ Правитель-чиновник с тем не менее определенной широтой взглядов, которому пришлось не только пойти на необходимые национальные реформы, но и поддерживать в государстве высокий уровень науки и культуры, предусматривавший распространение либеральных тенденций в обществе.

▶ Закосневший в своих устаревших взглядах старец, приведший государство к неминуемому падению.

▶ Правитель, сумевший своей «уравновешенностью» и «сдержанностью» удерживать многонациональную, сложную, экономически и политически устаревшую империю от разрушения и тем породивший «Габсбургский миф» в историческом сознании бывших «австрийских народов». ■

**ОБРАЗ ВИРТУАЛЬНОЙ ВЛАСТИ
В «КОНСТИТУЦИИ НЕЙТРАЛЬНОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ ХОРВАТИЯ» (1921)**

В хорватской историографии присутствует тенденция преподносить Степана Радича, возглавлявшего Хорватскую (республиканскую) крестьянскую партию, предтечей современной либеральной демократии. Аргументом служит так называемая Конституция нейтральной крестьянской республики (1921), предполагавшая всеобщее избирательное право, ответственность правительства перед народным представительством, разделение властей и т.д. Однако, другие ее положения плохо вяжутся с либерализмом и вообще с «модерными» представлениями о государственно-правовом устройстве. Например, обязательным атрибутом республики должно было стать «правительство крестьянского большинства». В интересах оно предусматривалось упразднение всеобщей воинской обязанности и регулярной армии, отмена таможенных пошлин и «учреждение кооперативов вместо капиталистических банков». Кроме того, предполагалось закрытие университета и гимназий с лицеями. В целом, документ живописал государство максимально необременительное для граждан. А именно, «моральное объединение мыслящих существ, хозяйственную и культурную организацию». Таким образом, конституцию следует рассматривать не как проект основного закона, а как один из инструментов пропаганды, которая апеллировала к патриархально-традиционным представлениям целевой аудитории. Государство представало увеличенной моделью «крестьянского дома» или задруги, в главе которой стоял строгий, но справедливый отец народа. Тот наделялся не только светской, но и духовной властью над своими «чадами». Совокупность собственных лозунгов С. Радич воспринимал не иначе как «возрожденную христианскую религию», а свою активность — как «апостолат» или «проповедь освобождения крестьянского народа».

В конце 1930-х годов после смерти Радича его соратникам, вставшим у кормила власти в Бановине Хорватия, представилась возможность воплотить собственные представления об оптимальном государственном устройстве. Практика имела мало общего с теорией, что, впрочем, характеризует многие утопические национально-государственные проекты межвоенного времени. ■

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЧЕХОСЛОВАКИИ И СУДЕТСКИЕ НЕМЦЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

Представители судетских немцев получили возможность участвовать в работе высших государственных органов Чехословацкой республики после выборов в Национальное собрание в апреле 1920 г., в результате которых они получили в палате депутатов 72 мандата. С первых же заседаний лидеры судето-немецких клубов заявили, что немцы включены в состав ЧСР насильно и никогда не признают правомочными Версальский и Сен-Жерменский мирные договоры, установившими границы республики. Они выступали с резкой критикой внешнеполитического курса Э. Бенеша, обвиняли его в «абсолютистских методах», тайной дипломатии, пренебрежении парламентом, односторонней ориентации внешней политики ЧСР на Францию и требовали установления дружественных отношений со всеми государствами, включая Германию, Австрию и Советскую Россию. Значительное внимание в докладе уделено полемике по вопросам внешней политики в Национальном собрании ЧСР в связи с Генуэзской конференцией и подписанием советско-германского Рапалльского договора в 1922 г. Депутаты от всех судето-немецких партий приветствовали Рапалльский договор, расценивая его как важный шаг на пути ликвидации последствий войны. В то же время они подвергали резкой критике чехословацко-французское военное сотрудничество и деятельность французской военной миссии в ЧСР. Новый подъем национального движения судетских немцев и критики ими внешней политики Чехословакии связан с усилением международного положения Германии после принятия плана Дауэса и в период подготовки и работы Локарнской конференции в 1925 г. Чехословацкое правительство вынуждено было вступить с судето-немецкими политиками в переговоры о создании межнациональной коалиции, которые завершились в октябре 1926 г. соглашением о включении в состав правительства А. Швеглы двух министров-немцев. ■

**ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
РЕЖИМА ЧАУШЕСКУ В РУМЫНИИ 1960-х ГОДОВ
И СМЕНА ОБРАЗА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ
1950-х ГОДОВ: ОТ АПОЛОГЕТИКИ К КРИТИКЕ
И ОТТОРЖЕНИЮ**

В начале 1960-х годов румынский коммунистический режим эволюционировал от лояльного следования советским образцам и моделям к более независимой внешней политике, резко выступив против невыгодных для Румынии планов экономической интеграции стран СЭВ и заняв равноудаленную позицию в советско-китайском споре за лидерство в мировом коммунистическом движении. Новый курс, нашедший выражение в апрельской Декларации 1964 г., особенно ярко проявился в 1967–1968 гг., когда Румыния не поддержала линию советского блока на однозначное осуждение Израиля в период «шестидневной войны», а затем резко выступила против августовской 1968 г. интервенции в Чехословакию. По мере утверждения новой линии менялось и отношение к политике (особенно внешней) румынского коммунистического режима на предшествующем историческом этапе, которая все чаще характеризуется в официальном дискурсе как отстаивавшая чуждые интересы. Первые подробные донесения советских эмиссаров, в которых обращалось внимание на радикальную смену в официальной пропаганде образа прежней политики, легли на стол главного идеолога КПСС М.А. Суслова уже в сентябре 1964 г., когда во главе КПСС еще стоял Н.С. Хрущев, а во главе Румынской рабочей партии — Г. Георгиу-Деж, с именем которого было связано становление коммунистического режима в Румынии; с приходом же в 1965 г. на первый пост в партии и государстве Н. Чаушеску отторжение от прежнего курса усиливается. Резкая критика режима 1950-х годов (причем не только его внешней политики, но и внутривластиче-

ской практики) достигает своего апогея в решениях апрельского партийного пленума 1968 г., что создало на фоне Пражской весны не совсем адекватный образ нового режима Румынии в сознании западной элиты — показательно, что один из тяжеловесов европейской политики генерал де Голль нашел время посетить Бухарест даже в недели бурных студенческих волнений в самой Франции — чтобы выразить солидарность с независимым курсом социалистической страны, подвергавшимся сильному внешнему давлению со стороны союзников по ОВД. ■

Тонковидова Анна Викторовна

*(Кубанский государственный университет физической культуры,
спорта и туризма, Краснодар)*

DOI: 10.31168/0456-5.27

ФЕНОМЕН РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ (НА МАТЕРИАЛАХ ФИЛОСОФИИ С.Н. БУЛГАКОВА)

Феномен русской интеллигенции представлен в учении С.Н. Булгакова в концептах «героизм» и «подвижничество», которые в своей основе имеют соборные положения, которые включают в себя отношения человека и общества, человека и церкви, человека и Бога, человека и государства. основополагающим вопросом в среде русской интеллигенции на основании булгаковских текстов можно отметить вопрос отношения к государственной власти. В философии С.Н. Булгакова соборность в диалектическом развитии определяется на сущностном уровне своего становления — в светской социальности, на понятийном уровне — в религиозно-светской социальности. В светской социальности проявляется противоположный полюс соборности — стадность, соборность находит свою актуализацию в «героизме» коллективной личности в феномене русской интеллигенции через максимализм целей и средств, индивидуализм, избранность, коллективность, принципиальность, политический моноидеизм (приверженность одной идее), мученичество проявляется в противопоставлении государственности, а, иногда, борьбы с ним. В религиозно-светской социальности феномен русской интеллигенции может быть рассмотрен, как «подвижничество» соборной личности с максимализмом действий, религиозной совестью, окрашен смирением, личностным максимализмом действий, историчностью, свободой, солидарностью с государственной властью. Для раскрытия личности и социальности, по С.Н. Булгакову, необходимы «религиозно-культурные основания», находящие возможность реализации в религиозно-светской социальности, где, в том числе достигается согласованность общества и государственной власти. ■

Россия в Крыму — цивилизатор или угнетатель? ОБРАЗЫ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ В ПОЛЕМИКЕ ТРАВЕЛогов конца XVIII — первой половины XIX в.

Присоединение Крыма к России в 1783 г. привлекло внимание всей Европы. Отражением этого интереса стало не только включение Крыма в маршрут большого образовательного путешествия (*grand tour*) представителей европейской элиты, но и обсуждение «законности» и эффективности действий российских властей. Учитывая специфический облик Крыма, региона с преобладающим мусульманским населением, располагавшегося у воображаемой границы между Европой и Азией, путешественники использовали традиционные для европейской общественной мысли рассуждения об исторической роли Востока и Запада, о миссии европейских держав и о сущности Российского государства. Материалом для доклада станут несколько наиболее популярных в исследуемую эпоху травелогов, написанных иностранцами или «русскими немцами». Будет показан генезис полярных интерпретаций Крымского ханства как «золотого века» в истории региона или как катастрофы, отбросившего его далеко назад. В зависимости от этого присоединение к России воспринималось или как «нашествие варваров», или как открытие возможности для быстрого прогресса. Предполагается раскрыть использованные путешественниками основные критерии оценок действий российских властей: их отношение к местным жителям, способность организовать эффективное управление, развивать торговлю, защищать христианство, охранять культурное наследие и пр. Особое внимание будет уделено фигуре (воображаемой или реальной) местного информатора путешественников. Будет продемонстрирована устойчивость стереотипов и объяснительных моделей, в частности, проявившейся во время обострения противоречий России и Европы накануне Крымской войны. ■

Яблоков Евгений Александрович

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0456-5.29

О МЕРТВОМ ТЕЛЕ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА. ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО ЭПОХА В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. БУЛГАКОВА

Для стиля Булгакова характерна актуализация исторических параллелей, явное и подтекстное сопоставление событий начала XX в. с событиями прошлого — например, эпохой становления христианства, периодом Великой Французской революции и наполеоновских войн. Что касается истории России — наибольшее число подобных аллюзий связано с царствованием Ивана IV. Тема Ивана Грозного возникает уже в раннем булгаковском творчестве и сохраняется на всем его протяжении, причем в двух пьесах — «Блаженство и «Иван Васильевич» (а также в ранних редакциях романа «Мастер и Маргарита») Иоанн фигурирует в качестве персонажа. При этом существенна роль текстов-«посредников»: в булгаковских произведениях явственны «следы» сюжетов А.К. Толстого («Смерть Иоанна Грозного», баллады), А.Н. Островского («Василиса Мелентьева»), Л.А. Мея («Царская невеста», «Псковитянка») и др. Важно отметить, что дело не ограничивается «персональными» аллюзиями на «грозного» царя. Значимой для Булгакова является тема опричнины, неоднократно упоминается один из известнейших приспешников Ивана IV — Малюта Скуратов; можно сказать, что «опричный» дискурс имеет в булгаковском творчестве самостоятельное значение. ■

Якименко Оксана Аркадьевна

*(Российский государственный педагогический институт
имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург)*

DOI: 10.31168/0456-5.30

«ВЕНГЕРСКИЙ ТИГР» И ДРУГИЕ ЖИВОТНЫЕ: ФАУНА ВЛАСТИ

В 2014 г. писатель Тибор Фишер выпустил на английском языке эссе «Венгерский тигр», посвященное ставшему в третий раз премьер-министром Венгрии Виктору Орбану. За год до этого политолог Балинт Мадьяр опубликовал книгу «Венгерский полип — посткоммунистическое мафиозное государство». В обоих случаях в качестве символических образов власти авторы использовали животных, причем, не вполне характерных для традиционной венгерской символики. Носителей власти в Венгрии сравнивают с «берберскими львами», морскими дьяволами, моржами, гусями, обезьянами, свиньями. Какие животные ассоциируются в современной венгерской культуре и литературе с идеей власти, доминирования, и как эти ассоциации трансформировались в течение последнего столетия — ответ на эти вопросы мы находим в произведениях классиков венгерской литературы (Эндре Ади, Атила Йожеф), авторов второй половины XX и начала XXI вв. (Миклош Месей, Шандор Вёреш, Петер Эстерхази, Петер Надаш, Лайош Парти Надь и др.), публицистов, историков и философов, кинематографистов. Анализ использования зооморфного кода в сфере репрезентации социального и политического статуса власти показывает, как меняется символическое восприятие последней в свете текущих событий. Появление и исчезновение видов, глобальные тенденции (изменение климата, Кембриджская декларация 2012 г. о наличии у животных сознания, расширение субъектности животных и т.д.) сказываются и на видовом разнообразии животных, связанных в венгерском культурном сознании с идеей власти. ■

СОДЕРЖАНИЕ

Аржакова Лариса Михайловна

Образ власти в прошлом и настоящем в трудах Юзефа Шуйского 3

Бут Юлия Евгеньевна

Франц Иосиф I в глазах габсбургских школьников:
мудрый правитель и идеальный человек 4

Вашенко Дарья Юрьевна

Имперская Вена в частной переписке начала XX в.
хорватов Западной Венгрии 6

Володина Анастасия Всеволодовна

Образ власти в театре Эстонии 2010-х 7

Герчикова Ирина Александровна

Государство и власть в литературе социалистической Чехословакии 8

Гусев Никита Сергеевич

Болгарский транзит 1894 года в освещении А.В. Амфитеатрова 9

Дронов Александр Михайлович

Легитимность венгерской власти для Хорватии:
«завоевание» или «политическая уния»?
Л. Салаи vs Э. Кватерник (1861) 11

Едемский Андрей Борисович

«Без свободной, демократической России
человечество не сможет противостоять азиатскому
коммунистическому тоталитаризму»: Михаил Михайлов
и Милован Джилас о проблемах общественного развития
второй половины 1960-х годов 13

Кирилина Любовь Алексеевна

Отношение словенцев к политике правительства
Э. Тааффе (1879–1893) 15

Котов Виктор Викторович

Образ династии Габсбургов в мышлении чешских националистов
в 1860-е — начале 1870-х годов (на примере сокольского движения) 17

Кулакова Ирина Павловна

- Формы продвижения публичного образа власти екатерининского времени в восприятии средних слоев столичного населения России: слухи, толки и личное участие (по дневниковым материалам) 19

Лагно Анна Романовна

- «Люди, которые недавно стали советскими гражданами»: жители Западной Украины о действиях советской власти в 1944–1949 гг. 21

Лескинен Мария Войтговна

- «И наш тихий Алексей Михайлович тоже был мудрый царь»: особенности самодержавного образа второго Романова и поиски традиций истинной русскости в последней трети XIX — начале XX в. 22

Лобачева Юлия Владимировна

- Образы революции и власти времен Гражданской войны в ученических сочинениях российских эмигрантов в Королевстве СХС 24

Марней Людмила Петровна

- Пропаганда идеи европейской общности в школьных учебниках истории. Позиция А.М. Панкратовой и руководства КПСС 26

Мелентьев Федор Ильич

- Отрицательные черты старших сыновей Александра II в общественном мнении пореформенной России 28

Пахомова Лидия Юрьевна

- Интеграционная политика Вены в Боснии и Герцеговине на страницах австро-венгерских газет (1882–1908) 30

Покивайлова Татьяна Андреевна

- Москва и установление монополии Коммунистической партии Румынии на информацию на рубеже 40–50-х годов XX в. (роль СМИ в восхвалении образа власти советского типа) 31

Полонский Дмитрий Георгиевич

- Представления о власти сербских правителей конца XVII — начала XVIII в. и титулатурный статус Первой Юстинианы 33

Приступа Наталья Николаевна

День рождения партийного лидера:
образ Клемент Готвальда на страницах газеты «Rudé právo» 35

Рагозин Герман Сергеевич

Консервативное прочтение австрийской идентичности
в сочинениях Фридриха фон Генца
и Адама Мюллера фон Ниттердорфа 36

Родин Денис Валерьевич

Идеализм и прагматизм в «локарнской политике» Э. Бенеша
(вторая половина 1920-х годов) 38

Саприкина Ольга Вячеславовна

Современная отечественная историография о правлении
Франца Иосифа I и рождении «Габсбургского мифа» 40

Силкин Александр Александрович

Образ виртуальной власти в «Конституции
нейтральной крестьянской республики Хорватия» (1921) 42

Станков Николай Николаевич

Внешняя политика Чехословакии и судетские немцы
в первой половине 1920-х годов 44

Стыкалин Александр Сергеевич

Эволюция внешней политики режима Чаушеску
в Румынии 1960-х годов и смена образа коммунистической
диктатуры 1950-х годов: от апологетики к критике и отторжению 45

Тонковидова Анна Викторовна

Феномен русской интеллигенции и российская государственность
(на материалах философии С.Н. Булгакова) 47

Храпунов Никита Игоревич

Россия в Крыму — цивилизатор или угнетатель?
Образы имперской власти в полемике травелогов
конца XVIII — первой половины XIX в. 48

Яблоков Евгений Александрович

О мертвом теле Ивана Васильевича. Иван Грозный и его эпоха
в творчестве М.А. Булгакова 49

Якименко Оксана Аркадьевна

«Венгерский тигр» и другие животные: фауна власти 50

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ОБРАЗЫ ВЛАСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ:
ВОСХВАЛЕНИЕ, КРИТИКА, ОТТОРЖЕНИЕ**

Тезисы докладов V конференции
Междисциплинарного центральноевропейского семинара,
2–3 ноября 2021 г.

Редакторы-составители:

Д.Ю. Ващенко, О.В. Хаванова

Компьютерная верстка:

П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
119991, Москва, Ленинский просп., д. 32А, корп. «В»

Адрес электронной почты:

inslav@inslav.ru

Подписано в печать 22.10.2021. Формат 60×84¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 3,14
Объем 3,38 печ. л.

Заказ № 79.

Тираж 300 экз.